

ТЕКСТ ПЕРЕД ЛИЦОМ СОВРЕМЕННЫХ ТЕОРИЙ

© 2006 К.В. Тулунова

Воронежский государственный университет

В последние годы категория *текста* стала объектом разноаспектного изучения во многих областях науки, и поэтому неудивительно, что определений данного явления существует великое множество. Отталкиваясь от дефиниций толковых и энциклопедических словарей, определяющих текст как последовательность предложений, слов или знаков, построенную согласно правилам языка и образующую сообщение, мы получаем толкования, представляющие текст не только как некий связанный знаковый комплекс, но и как некое внеязыковое образование. Сегодня расширяется не только содержание понятия “текст”, но и сфера его применения.

Во второй половине XX века текст становится “центром бытия”. Текст как некоей всеохватной категорией. “Ничего не существует вне текста”, — заявил французский постструктуралист и один из столпов постмодернизма Ж. Деррида. Из этого высказывания вытекает основной принцип постструктуралистского видения действительности: сознание личности — это сумма текстов разнообразных по сути, сам человек живет внутри текста — исторического сознания, а весь мир есть бесконечный и безграничный текст [5, 20]. Обратимся к рассмотрению понятия “текст” с лингвистических позиций.

Одно из наиболее полных определений текста дает В. Белянин: “*Текст* — это и феномен реальной действительности, и способ ее отражения, построенный с помощью элементов системы языка. Вместе с тем текст представляет собой: основную единицу коммуникации, способ хранения и передачи информации, форму существования культуры, продукт определенной исторической эпохи, отражение психической жизни индивида и т. д.” [2, 8].

Слово “текст” имеет сложную и разветвленную этимологию: *лат. textum* — ткань, одежда, связь, соединение, строение, слог, стиль; *textus* — сплетение, структура, связное изложение [8, 305]. Из приведенных значений можно выделить три семантических компонента:

1) искусственное, неприродное начало (т. е. знаковое, по отношению к тексту);

2) связанность, целостность, структура;

3) некая оболочка, носитель.

Текст обладает формальной связностью: его части имеют соотносящиеся между собой языковые (знаковые) элементы — и семантической связностью: его части несут в себе общие содержательные компоненты. Все эти составляющие можно легко применить к тексту как языковому, словесному явлению. Исходя из этимологии, сформулируем первое рабочее определение: *текст* — это носитель некой информации, представляющей собой совокупность смыслов и закреплённой в особой целостной знаковой системе.

Для М. Бахтина текст, за которым не стоит некий язык, уже не текст, а “естественнонатуральное (не знаковое) явление, например, комплекс естественных криков и стонов, лишенных языковой (знаковой) повторяемости” [1, 475]. Итак, наличие *языковой системы* является одним из основополагающих признаков словесного текста.

Следующая характеристика текста, по М. Бахтину, — наличие в нем *субъекта, автора* (говорящего или пишущего). Именно субъект задает структуру текста: его замысел (интенцию) и осуществление этого замысла — два основных момента, определяющих текст как высказывание. Естественно, что любой текст предполагает *адресата* (слушающего или читающего): того, кто постигает заложенный в нем смысл, интерпретирует полученную информацию, — и это тоже один из признаков текста. Перечисленные черты характеризуют текст как явление, открытое к взаимодействию в процессе коммуникации: внутри текста и вне его. М. Бахтин называет эти отношения *диалогическими* и относит их к свойствам текста [1, 485-489].

Опираясь на предложенные М. Бахтиным признаки, можно определить *текст* как законченное речевое сообщение субъекта, закреплённое в определенной системе знаков и направленное на диалог с воспроизводящим реципиентом, другими текстами и контекстом.

А. Пятигорский, в свою очередь, рассматривает текст как разновидность сигнала и ограничивает его понятие следующими характеристиками:

1) текстом будет считаться только такое сообщение, которое пространственно (т. е. оптически, акустически или каким-либо иным образом) зафиксировано;

2) сообщение, пространственная фиксация которого была не случайным явлением, а необходимым средством сознательной передачи этого сообщения его автором или другими лицами;

3) предполагается, что текст понятен, т. е. не нуждается в дешифровке, не содержит мешающих его пониманию лингвистических трудностей и т. д. Разумеется, речь может идти лишь о каком-то определенном (во времени и пространстве) уровне понимания, хотя и допускающем толкование, но в общем предполагающем более или менее адекватный прием данного сообщения [7, 16].

Так же, как и у М. Бахтина, здесь явно прослеживается коммуникативная цепочка: “*субъект — действие — объект*” или “*адресант — текст — адресат*”, то есть в обеих концепциях упор делается на прагматический аспект текста, а сам текст рассматривается как исключительно динамическое понятие, тождественное *реальному действию*.

Текст, мыслимый прежде всего как единица динамическая, организованная в условиях реальной коммуникации и, следовательно, обладающая экстра- и интерлингвистическими параметрами, является точкой отсчета в исследованиях *Н. Валгиной*. По ее мнению, для речевой организации текста определяющими оказываются внешние, коммуникативные факторы, и потому порождение текста и его функционирование прагматически ориентированы, то есть текст создается при возникновении определенной целеустановки и функционирует в определенных коммуникативных условиях [3, 7]. Именно прагматическая лингвистика включает вопросы, связанные с субъектом (автором текста), адресатом (читателем) и — главное — с их взаимодействием в акте коммуникации.

Е. Щелкунова, говоря о сложности структуры текста, выделяет *два базовых уровня*, своего рода формы его существования:

- а) статичный;
- б) динамичный.

В отличие от *статического уровня*, который проявляется в форме функционально-сущностного ядра, выполняющего основную задачу фиксации и хранения в неизменном виде объективной сущности текста, особенность *динамического уровня* заключается в его *коммуникативности*. Это совокупный признак, включающий в себя способность текста, во-первых, быть “соединяющим звеном” при налаживании контакта между людьми, а во-вторых, полноправным участником общения автора и аудитории. “Еще одним признаком, вытекающим из коммуникативной природы текста, — продолжает *Е. Щелкунова*, — является

релятивность, т. е. способность вступать во взаимоотношения (часто сложные) с другими элементами коммуникативного процесса, и в первую очередь — с: 1) автором, 2) аудиторией, 3) контекстом” [9, 116].

Иными словами, **текст** — *коммуникативная единица, организованная в стройную систему знаков и направленная на осуществление коммуникативного намерения автора по отношению к адресату*.

Ю. Лотман в своих работах подчеркивает, что прагматический аспект — это аспект *работы* текста, поскольку механизм работы текста подразумевает какое-то введение в него чего-либо извне. “Будет ли это “извне” — другой текст, или читатель (который тоже “другой текст”), или культурный контекст, он необходим для того, чтобы потенциальная возможность генерирования новых смыслов, заключенная в имманентной структуре текста, превратилась в реальность. Поэтому процесс трансформации текста в читательском (или исследовательском) сознании, равно как и трансформации читательского сознания, введенного в текст, — не искажение объективной структуры, от которого следует устраниваться, а раскрытие сущности механизма в процессе его работы” [6, 152].

Но, по *Ю. Лотману*, роль прагматического начала не может быть сведена к расширению смыслового пространства текста — оно составляет активную сторону функционирования текста как такового. Текст как генератор смысла, как мыслящее устройство, для того чтобы быть приведенным в рабочее состояние, нуждается в собеседнике. Текст отражает диалогическую природу сознания [6, 153].

Обычно процесс функционирования текста представляется нам как реконструкция реципиентом некоего кода, заключенного в данном тексте. Однако *Ю. Лотман* корректирует такое понимание и изменяет формулу “потребитель дешифрует текст”, предлагая взамен более точную — “потребитель общается с текстом”. *Ю. М. Лотман* представляет **текст** “как сложное устройство, хранящее многообразные коды, способное трансформировать получаемые сообщения и порождать новые, как информационный генератор, обладающий чертами интеллектуальной личности” [6, 132]. Однако, трансформируя сообщения, текст не может сохранять составляющие его коды в первоначальном виде, поэтому данное определение нуждается в коррекции: *текст как сложное устройство не сохраняет, а содержит многообразные коды*.

Наличие неких кодов предполагает их интерпретацию потребителем в процессе контакта с текстом. Ответственность за точность дешифровки смыслов несет автор, который не только формирует собственно текст, но и направляет читателя в его интерпретации текста. Именно с автором связана проблема истинности и объективности выс-

казываний, особенно актуальная для публицистических текстов.

Воспринимающие текст способны расшифровать код, понять его смысл только в контексте с другими текстами, то есть в контексте собственной памяти, накопленной информации о культурных традициях, исторических фактах — в контексте определенной картины мира. Процесс понимания осуществляется на основе общего для всех участников коммуникации “семиотического опыта”. Именно этот опыт, другими словами, знания о мире, являются залогом успешности акта коммуникации.

Коммуникативность текста считается одним из главных признаков в публицистике. Здесь текст воспринимается как связующее звено между *адресантом* — автором — и *адресатом* — читателем. Он способствует их коммуникации, а точнее, выступает в качестве продукта этой коммуникации.

Главным условием *коммуникативности*, считает С. Дацюк, является намеренная отсылка смысла к актуальным контекстам и реальным адресатам, то есть всякий текст (речь) изначально своим содержанием определяет *коммуникативное пространство* — внутреннее смысловое пространство текста, намеренно встроенное во множество актуальных контекстов, содержащее совокупность прямых или косвенных адресатов, которым он предназначен или которым явно или скрыто противопонирует. Эта намеренная отсылка смысла к актуальным контекстам и реальным адресатам есть *первое условие коммуникативности: смысл текста должен быть подан через коммуникативное пространство*. С другой стороны, всякий текст, будучи помещен в реальный *процесс коммуникации*, в реальное *пространство преобразования*, становится *интерсубъективным*. Этот процесс преобразования впервые обнаруживает себя как творческий процесс самого автора, его внутренний диалог, постоянную постановку себя то в позицию автора, то в позицию потенциального читателя (адресата). Собственно поэтому первичное пространство преобразования порождается самим актом творчества, то есть *первичным коммуникативным актом*. *Вторичный коммуникативный акт* связан уже с внешней средой текста, которая в таком случае оказывается *средой коммуникации*. Причем среда коммуникации должна быть равна пространству коммуникации текста или шире него, только тогда текст будет *коммуникативным* — в этом заключается второе условие коммуникативности [4].

Мы рассмотрели понятие текста и определили его как динамическую единицу высшего порядка, как речевое произведение, обладающее признаками связности и цельности — в информационном, структурном и коммуникативном плане. Известные дефиниции текста выделяют раз-

ные качества и признаки, характеризующие данное явление: информационное пространство, речевое сообщение, знаковую последовательность, направленность на реципиента и т. п., — но сходятся в основных природообразующих признаках этого явления.

Многоаспектность самого феномена текста диктует и многоаспектность его характеристики. Текст рассматривается нами как *носитель некоей информации, направленной вовне и готовой к потреблению аудиторией*. Существенным является *функциональный* аспект в изучении текста — поиск совершенного варианта его речевой организации, оптимальной кодировки в определенной системе знаков и возможность легкой декодируемости. С этой проблемой тесно связан *прагматический* аспект — исследование оптимальных условий для его восприятия, ориентация текста на коммуникативный процесс. Названные два аспекта не могут рассматриваться отдельно друг от друга, так как *текст, представляя собой сложную структуру многообразно соотносящихся и различающихся по своим качествам элементов, воспринимается прежде всего с точки зрения категорий содержания и формы*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Литературно-критические статьи / М. М. Бахтин — М.: Художественная литература, 1986. — 490 с.
2. Белянин В. П. Психолингвистические аспекты художественного текста / В. П. Белянин — М.: Издательство МГУ, 1988. — 121 с.
3. Валгина Н. С. Теория текста / Н. С. Валгина — М.: Логос, 2003. — 280 с.
4. Дацюк С. Коммуникативные стратегии / С. Дацюк // Переговоры — “Рубрики библиотеки на русском”. — (http://dere.com/ua/library/datsyuk/komm_strat/shtml).
5. Ильин И. П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа / И. П. Ильин — М.: Интрада, 1998. — 230 с.
6. Лотман Ю. М. Текст как семиотическая система / Ю. М. Лотман // Избранные статьи: В 3 т. — Таллинн: Издательство “Таллин”, 1992. — Т.1. — С. 124-157.
7. Пятигорский А. М. Избранные труды / А. М. Пятигорский — М.: Языки русской культуры, 1996. — 590 с.
8. Руднев В. П. Словарь культуры XX века / В. П. Руднев — М.: Аграф, 1997. — 384 с.
9. Щелкунова Е. С. Публицистический текст в системе массовой коммуникации / Е. С. Щелкунова — Воронеж: Типография факультета журналистики ВГУ, 2004. — 194 с.

Рецензент — Л. Е. Кройчик.